

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.16>

Сотникова Елена Вячеславовна

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В СИБИРИ 1920-Х ГОДОВ

Данная статья представляет собой исследование особенностей развития музыкальных учебных заведений в крупнейших городах Сибири 1920-х годов на основе архивных документов и материалов периодической печати. В работе дан анализ политики государства в отношении музыкальных школ, техникумов, внесшей коррективы в распространение, масштабы и содержание деятельности музыкальных учреждений. Показаны изменения финансового положения музыкальных учебных заведений, ужесточение контроля над художественным образованием, проведение форсированной пролетаризации студенчества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/16.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 88-92. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

21. Терентьев Н. К. Возрождение востоковедения в ДВГУ // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 7-12.
22. Хаматова А. А., Ильин С. Н. Школа востоковедов в ДВГУ (1962-1994 гг.) // Известия Восточного института. 1994. № 1. С. 86-96.
23. **Это ты, наш родной истфак!**: сборник воспоминаний о временах студенчества: к 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России / отв. ред. К. С. Еременко; ред. колл. Ф. Е. Ажимов, С. М. Дударенок, Р. М. Самигулин. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. 321 с.

TEACHERS-SINOLOGISTS OF THE FAR EASTERN UNIVERSITY: THE 1960-1970S

Xie Fengling

Far Eastern Federal University, Vladivostok
fenlin.se@mail.ru

The article describes an important period in the history of academic sinology in the Russian Far East celebrating its 120th anniversary in 2019. Relying on a wide range of historical sources, the author describes the basic groups of teachers-sinologists at the Far Eastern State University in the 1960-1970s, emphasizes the succession of the teaching staff, assistance of Leningrad (Saint Petersburg) University in replenishing the teaching staff of the Far Eastern State University with young sinologists. For the first time in the Far Eastern historiography, the author portrays the teachers – native speakers of Chinese, identifies their essential role in the optimization of educational process at the Far Eastern University.

Key words and phrases: history of sinology; teaching the Chinese language; teachers-sinologists; Far Eastern University; Russian Far East; Vladivostok.

УДК 930.85

Дата поступления рукописи: 11.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.16>

Данная статья представляет собой исследование особенностей развития музыкальных учебных заведений в крупнейших городах Сибири 1920-х годов на основе архивных документов и материалов периодической печати. В работе дан анализ политики государства в отношении музыкальных школ, техникумов, внесшей коррективы в распространение, масштабы и содержание деятельности музыкальных учреждений. Показаны изменения финансового положения музыкальных учебных заведений, ужесточение контроля над художественным образованием, проведение форсированной пролетаризации студенчества.

Ключевые слова и фразы: культурные проекты; музыкальное образование; подотдел искусств; просветительство; пролетарский элемент; идеология.

Сотникова Елена Вячеславовна, к.и.н.

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск
sotnikovaev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В СИБИРИ 1920-Х ГОДОВ

Образовательная система России является одной из важнейших основ сохранения целостности государства, духовного единения народа. Важнейшая задача истории музыкального образования – понять, на какие традиции следует опираться и что из этих традиций, сложившихся в прошлом, требует обновления. В истории России было много переломных этапов, требовавших от человека особого напряжения духовных сил, активизации его творческой деятельности. И если духовная среда вытеснялась на второй план, то неизбежно в жизни общества наступало культурное оскудение и духовное одичание людей. В этой связи обращение к истории культурного наследия нашей страны приобретает **актуальность** для научного исследования. **Цель** данной работы – обобщение опыта изучения художественной просветительской среды Сибири, исследование особенностей становления музыкальных учебных заведений сибирских городов в сложный, неоднозначный период отечественной истории. Анализ общей историографической ситуации позволяет сделать вывод о том, что история развития художественного образования в пределах сибирского региона изучена фрагментарно. В связи с этим автор ставит **задачу** определить динамику развития музыкальных учебных заведений в контексте общего социокультурного развития Сибири 1920-х годов. **Научная новизна** данного исследования определяется необходимостью расширения проблемного поля, введением в научный оборот архивных документов, материалов периодической печати, усилением потребности в междисциплинарном изучении сложных историко-культурных объектов, в востребовании «забытого» наследия, актуальностью формирования целостной картины развития советской культуры 1920-х годов.

В условиях начавшихся в 1917 году радикальных изменений российского общества задача «перестроить» людей получила важнейшую значимость, и большевистская власть в рамках новой идеологии использовала самые разные средства культуры. В годы гражданской войны в стране с разрушенной экономикой, массовым

голодом началось развертывание художественных образовательных учреждений. Произошедшие в стране социальные потрясения обострили интерес к искусству, музыкальному творчеству. Пережитые страдания, разорения и жертвы военного времени требовали эмоциональной компенсации, что в итоге привело к разработке культурных проектов, устремленных в воображаемую прекрасную жизнь и оторванных от действительных обстоятельств. «Радостно, что в процессе нашего хозяйственно-экономического строительства не забываем мы и строительство музыкального», – свидетельствовала газета «Рабочий путь» [12].

Газета «Красноярский рабочий» опубликовала доклад заведующего Народной консерватории Павла Иосифовича Иванова-Радкевича. Известный композитор и просветитель указал на то, что счастье человека, целого народа заключается не только в материальном благополучии. «Чем больше свободного времени будет проведено трудящимся неразумно, тем более вреда для него. Народный досуг должен быть использован самым разумным образом: чтение, концерт, спектакль и прочее должны быть обычным явлением» [3, д. 162, л. 23]. Преподаватель Томского музыкального техникума, скрипач Яков Соломонович Медлин в статье «Музыка за десять лет» писал об «очистительной грозе революции», которая привела к расцвету музыкальной жизни в Сибири в «героическую эпоху современности» [16, с. 9].

Культурные проекты советской власти в Сибири осуществлялись позже, чем в центральной России. Музыкальное строительство в исследуемый период представляло собой мощный агитационно-пропагандистский комплекс, составной частью которого стали консерватории, музыкальные школы, студии, техникумы, включенные в систему политического воспитания. В 1920 году для художественного и, конечно, идеологического руководства отраслями искусства утверждено «Положение о подотделе искусств Сибирского отдела народного образования» [3, д. 41, л. 22-23]. Музыкальные секции открывались в подотделах искусств губернских отделов народного образования и возглавлялись авторитетными деятелями художественной культуры. Была поставлена задача ликвидации безграмотности – музыкальной безграмотности.

Музыкальное образование является наиболее консервативной частью музыкальной жизни. До 1921 года, в условиях «военного коммунизма», его развитие шло обычным путём, претерпевая формальные изменения. В 1920-1921 гг. в Сибири работало довольно много музыкальных учебных учреждений, являвшихся по сути центрами музыкального образования и просвещения. Представим некоторые из них в Таблице 1.

Таблица 1

Месторасположение учреждения	Название учреждения
Иркутск	Иркутский государственный музыкальный университет (Музун)
Красноярск	Музыкальная мастерская при Енисейском губернском отделе народного образования
	Народная консерватория
Томск	Оперная студия
	Музыкальная школа трех ступеней
	Сибирская консерватория
Новониколаевск	Народная музыкальная школа
	Музыкальная труппа при отделе народного образования
Барнаул	Рабоче-крестьянская консерватория
Омск	Хоровой и оперный классы при Государственном театре
	Музыкальные студии при клубе им. К. Маркса, при клубе им. Подбельского
	Первая и Вторая советские музыкальные школы
	Омский государственный музыкальный техникум
	Сибирская государственная опера (Сибгосопера)

На протяжении 1920-х годов в деятельности музыкальных учебных заведений не было строгого разделения профессионально-образовательной и просветительской функций. Они скорее представляли собой концертные организации, использовавшие методы обучения в процессе производства, а именно в ходе многочисленных кампаний советской власти учащиеся музыкальных учебных заведений активно участвовали в концертной и агитационной деятельности, одновременно развивая свои профессиональные навыки. Просвещение в таких обстоятельствах несколько отодвигало образование: крайне необходимы были средства на содержание учебных заведений.

О популярности и активной деятельности музыкальных учебных заведений свидетельствуют архивные источники: не хватало музыкальных пособий, инструментов, нотной бумаги, музыкальных журналов. В Москву поступали заказы на ноты этюдов К. Черни, Ф. Шопена, фуг И. С. Баха, прелюдий А. Скрябина, концертов Э. Грига [Там же, д. 324, л. 194]. В Омске, например, частные лица, организации, в распоряжении которых имелись рояли, обязаны были «предоставлять таковые для музыкальных занятий учащихся советских музыкальных школ в течение трёх часов ежедневно» [5, д. 125, л. 63]. Причем эти музыкальные инструменты освобождались от реквизиции. Часы и очередность занятий учащихся устанавливал заведующий музыкальной школой.

Финансовое положение музыкальных образовательных учебных заведений изменилось в результате перехода к новой экономической политике (нэпу). Выделяемые государством средства на нужды просвещения в Сибири сократились больше, чем по стране в целом. Было ограничено количество предоставляемых учебных пособий, инструментов. В 1921-1922 учебном году ассигнования уменьшились в восемь раз по сравнению

с 1920-1921 учебным годом [11]. Изменения коснулись структуры учебных заведений: консерватории были преобразованы в техникумы и школы. А. В. Буздыханов, директор Омской музыкальной школы, в отчете за 1922-1923 учебный год писал: «Придется сократить количество существующих уже классов, а, возможно, и совсем закрыть школу, чем, конечно, будет нанесен огромный ущерб делу музыкального образования Омской губернии» [15, с. 35].

Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) разослал губернским управлениям профессионального образования (губпрофобрам) распоряжение, где отмечалось: «...ввиду недостаточности материальных средств, отпускаемых государством для поддержки нормального существования художественных профессиональных учебных заведений, а также ввиду того, что сеть учебных заведений, оставляемых на государственном снабжении, не может удовлетворить потребности в специалистах-профессионалах, в области искусства и художественной промышленности допускается:

- 1) взимание платы за обучение во всех художественных учебных заведениях,
- 2) передача школ, снимаемых с государственного снабжения, коллективам преподавателей или частным лицам,
- 3) организация частных художественных профессиональных учебных заведений» [6, д. 1, л. 10-12].

Распоряжение устанавливало количество платных мест, которое не должно было превышать 40% состава учащихся. Повышение процента платных мест допускалось только с особого разрешения местного губпрофобра по мотивированному представлению заведующего учебным заведением. В перечне освобождавшихся от оплаты за обучение вначале шли не имеющие возможности внести плату рабочие, крестьяне, красноармейцы и их дети (не менее 10% всего количества бесплатных мест), а затем – «особо талантливые лица по постановлению Учебного Совета». Плата за обучение устанавливалась в размере от 12 золотых рублей в год в народных музыкальных школах, до 36 золотых рублей – в техникумах и практических институтах по всем видам искусства [Там же, л. 14].

Некоторую помощь музыкальным учебным заведениям оказывали добровольные благотворительные организации. Так, в Омске преподаватели 2-й музыкальной школы стали инициаторами создания «Общество содействия распространению музыкального образования», которое собирало членские взносы, устраивало платные концерты силами учащихся, лекции, сбор пожертвований. В 1922 году лица, желающие поддержать музыкальное образование, вносили ежемесячно 100 тысяч рублей. «Общество содействия распространению музыкального образования» установило для беднейших учащихся 12 стипендий [10].

Как видим, держались музыкальные учебные заведения в основном на энтузиазме преподавателей, заслуга которых состояла в том, что они не только давали знания, а «умели заставить» учащихся «полюбить искусство на всю жизнь» [9]. Чтобы спасти от закрытия учебные заведения, педагогический персонал многих музыкальных школ и техникумов согласился на заработную плату значительно ниже тарифных ставок Рабиса (Союза работников искусства). Оплата труда преподавателей Омского музыкального техникума в мае 1922 года в среднем составляла 280 рублей, в то время как ставка по 14 разряду равнялась 2268 рублям [5, д. 125, л. 67]. «От покрытия сметного дефицита текущего учебного года, исчисляемого по “мучной валюте” приблизительно около 600 пудов, зависит вопрос жизни или смерти учебного заведения, показавшего всей своей предшествующей и текущей работой, что он имеет право на существование, – писал в отчете 1922 года ректор М. И. Невитов. – Несмотря на невероятно тяжелые условия, молодое учебное заведение стоит на правильном пути и при наличии материальной поддержки, при непосредственной связи с руководящим органом в целях своевременного получения необходимых указаний, касающихся методических вопросов, может в ближайшем будущем приблизиться вполне к нормальному типу техникума» [3, д. 485, л. 2].

Занятия шли ежедневно с 9 до 21 часа, включая праздники. Часть учащихся занимались по специальному инструменту и пению на квартирах соответствующих преподавателей, что вызывало неудобства. Несмотря на финансовые трудности, рост численности учащихся музыкальных учебных заведений говорит о популярности музыкального образования. По вопросам развития сети музыкальных школ и техникумов в Сибири с подведением твердой материальной базы обращались в Сибирский краевой отдел народного образования (Сибкрайон) крупнейшие педагоги и музыканты Сибири – Михаил Иванович Невитов, Николай Никанорович Тихонов [6, д. 3, л. 64].

В 1926 году Народный комиссариат просвещения сделал вывод о том, что проблема культурного строительства в Сибири обострилась в результате того, что «от царского времени советская власть получила в наследство большую культурную отсталость, чем другие области РСФСР» [2, д. 4, л. 114]. В связи с этим были предоставлены некоторые преимущества в ассигновании из средств государственного бюджета на помощь местному бюджету по линии народного образования Сибири.

Переход государства к планам индустриализации страны изменил целевую установку музыкальных учебных заведений: подготовка музыкантов высокого класса признавалась неправильной, так как основным объектом внимания являлась постигавшая азы искусства с детских лет молодежь из интеллигентных семей. «Музыка – это острое оружие, которым мы бьем по нашим врагам: кулакам, попам, контрреволюционерам» [13, с. 44], – такова была новая задача, поставленная перед художественными заведениями, готовившими инструкторов, руководителей клубов и кружков.

Активизация Пролеткульта (Пролетарской культурно-просветительной организации при Народном комиссариате просвещения) в Сибири к концу 1920-х годов привела к новым нападкам на музыкальные техникумы. На страницах журнала «Омский зритель» В. Наранович, в частности, пишет: «Наш музыкальный техникум

не пытается пойти к красноармейцу и попробовать сочинить с ним новую песню, поющую о мощности Красной Армии – носительницы великих побед. Пора повернуть руль налево. Пора шире раскрыть двери художественных техникумов и влить в них живую струю того, что мы называем подлинной пролетарской культурой» [8, с. 3].

В сибирских отделах народного образования выполнялся приказ об увеличении пролетарского элемента учащихся [6, д. 1, л. 44]. На основании многочисленных инструкций приемные комиссии устанавливали происхождение абитуриента с подтверждением данных об их рабочем и партийном стаже, образовании, наличии недвижимости. Так, в 1928 году из 36 человек, выдержавших все экзамены при поступлении в Омский музыкальный техникум, не были приняты «по социальному положению» дочь домовладельца, дочь торговца, сын священника [Там же, л. 45].

В постановлении III Сибирского краевого съезда работников искусств 1928 года подчеркивалась необходимость «наступления на мелкобуржуазную идеологию мещанства во всех формах» [4, д. 23, л. 27]. Включилась в борьбу с вредным влиянием интеллигенции на молодежь сибирская пресса. Газета «Красный Алтай» обвинила музыкальную школу в Барнауле, предоставившую для детей рабочих всего пять бесплатных мест, в том, что она «не помогает выкорчевывать корни старого мира и строить социализм», а преподаватели обращаются друг к другу не иначе как «голубчик», «душенька», что воспринималось как буржуазный пережиток [14, с. 87]. В Томском музыкальном техникуме излюбленным эпитетом преподавателя Я. С. Медлина по отношению к нерадивым студентам было выражение «стакановцы» [Цит. по: 1, с. 21], что указывало на его «аполитичность» и не могло пройти незамеченным.

В результате Первая Всероссийская музыкальная конференция, состоявшаяся 21 июня 1929 года, поддержала официальный курс на замену старых специалистов [7, с. 69]. В условиях начавшейся индустриализации плановые показатели для музыкального образования стали вводиться на основе общеполитических и хозяйственных задач. С 1928 г. по 1933 г. выпуск учащихся в сибирских музыкальных техникумах должен был увеличиться в 4 раза [Там же, с. 84].

Сделаем вывод по вышеизложенному. Система музыкального профессионального образования в начале 1920-х годов включала находившиеся в ведении отделов художественного образования на местах высшие учебные заведения, техникумы, школы. Главным звеном в этой системе являлись государственные учебные заведения. В период нэпа допускалась работа частных школ и студий. Не соответствовавшие государственным требованиям учебные заведения подлежали закрытию.

Мы выяснили, что бурное развитие музыкального образования, начавшееся уже в период «военного коммунизма», в 1920-е годы претерпевает некоторые изменения, связанные с социально-политической обстановкой в стране. В условиях нэпа учебные заведения, снятые с бюджета, переведенные на самоокупаемость, выживали за счет введения платы за обучение, участия в концертной и агитационной деятельности. Вносились коррективы и в масштабы, и в содержание деятельности музыкальных учреждений. Понизили свой статус консерватории, преобразованные в музыкальные техникумы, а затем и в школы. Кроме того, из Сибири уехали многие высококвалифицированные музыканты, занесенные сюда гражданской войной.

Необходимо отметить, что со второй половины 1920-х годов усиливается политика советского государства, направленная на ужесточение контроля художественного образования, развитие которого с 1928 года определялось заданиями пятилетнего плана. Система мер, направленная на обеспечение пролетарского большинства в среде художественной интеллигенции, сопровождалась изменением кадровой политики, сокращением числа опытных педагогов, «текучестью кадров». Специалисты со стажем, по мнению советских руководителей культуры, не имели нового репертуара, не обладали необходимым мастерством. Так, в Омском музыкальном техникуме с 1928 по 1936 годы сменилось 7 директоров, в Томском – 5 [4, д. 23, л. 36].

Задача форсированной пролетаризации студенчества, поставленная перед музыкальными учебными заведениями, в итоге не могла быть выполнена в полной мере в силу противоречия исторически сложившимся реальным условиям: не учитывались присущие различным социокультурным типам стереотипы воспитания, преэминентность интеллигентных профессий в художественной сфере. Молодые специалисты работали в художественных коллективах кружков и клубов, преподавателями в музыкальных техникумах, школах.

Таким образом, специфика становления отечественной системы музыкального образования в Сибири характеризовалась стремлением музыкантов к широкому распространению музыкального просвещения, ожиданием всесторонней государственной поддержки учебным заведениям, ориентацией на ежедневный и упорный труд. Традиции русской музыкальной интеллигенции, с присущими ей ценностями этатизма, доминирования социальной ориентации над индивидуальной, склонностью к самопожертвованию, получили дальнейшее развитие в условиях новой исторической реальности.

Список источников

1. Воробьева Н. А. Столетие Томского областного музыкального училища. Томск: Водолей, 1993. 104 с.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-137. Оп. 1.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1053. Оп. 1.
4. ГАО. Ф. Р-1636. Оп. 1.
5. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-318. Оп. 1.
6. ГАОО. Ф. Р-1090. Оп. 1.
7. Левина Ж. Е. Художественная интеллигенция Западной Сибири в системе советской культуры (конец 20-х – 30-е гг. XX в.). Омск: ОмГПУ, 2004. 274 с.

8. Омский зритель. 1929. 30 января.
9. Письмо Пушкова В. В. педагогам Барнаульской музыкальной школы им. А. К. Глазунова // Личный архив доктора культурологии, профессора Марченко Юрия Григорьевича.
10. Рабочий путь. 1922. 9 февраля.
11. Рабочий путь. 1923. 11 марта.
12. Рабочий путь. 1927. 8 апреля.
13. Сотникова Е. В. Идеи Пролеткульта в театрално-просветительской деятельности в Сибири 1920-х годов // Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность (г. Новосибирск, 8-18 апреля 2014 г.): сборник материалов Международной научной конференции: в 2-х т. Новосибирск: СГГА, 2014. Т. 1. С. 43-46.
14. Сотникова Е. В. Музыкально-просветительская деятельность музыкальных учебных заведений Сибири в 1920-е годы // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Вып. 4/5. С. 81-94.
15. Сотникова Е. В. Проблема изучения художественного образования в Сибири в 1920-е годы // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. Вып. 2 (10). С. 32-37.
16. Томский зритель. 1927. 5 ноября.

PECULIARITIES OF DEVELOPING MUSICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN SIBERIA IN THE 1920S

Sotnikova Elena Vyacheslavovna, Ph. D. in History
Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk
sotnikovaev@mail.ru

Relying on archival documents and the periodical press materials, the author examines the peculiarities of developing musical educational institutions in the largest cities of Siberia in the 1920s. The researcher analyses state policy towards musical schools, colleges, which affected the propagation, scale and content of the musical institutions' activity. The paper covers such issues as changes in the financial situation of musical educational institutions, tightened control over artistic education and forced proletarianization of the student staff.

Key words and phrases: cultural projects; musical education; sub-department of arts; enlightenment; proletarian element; ideology.

УДК 94(47).084.8+084.9

Дата поступления рукописи: 01.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.17>

Статья посвящена условиям труда и быта механизаторов машинно-тракторных станций (МТС) Восточной Сибири в послевоенный период. На основе материалов архивов Восточной Сибири и периодической печати рассмотрен производственный быт механизаторов в период проведения сезонных полевых работ и осенне-зимнего ремонта техники. Выявлены причины, обусловившие неудовлетворительное состояние материально-бытовых условий механизаторов, указаны меры, предпринятые партийно-государственными органами по улучшению их бытовых условий, показано отношение руководства МТС и колхозов к данной проблеме.

Ключевые слова и фразы: механизаторы; машинно-тракторная станция; колхоз; условия труда; бытовые условия; Восточная Сибирь; полевой стан; ремонт техники.

Шулбаев Олег Никитович, к.и.н., доцент

*Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан
shulbaev9@rambler.ru*

УСЛОВИЯ ТРУДА И БЫТА МЕХАНИЗАТОРОВ МТС ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1946-1958 ГГ.

В отечественной историографии широко освещены проблемы деятельности МТС в послевоенный период, связанные с развитием их технической оснащенности, кадрового потенциала, взаимоотношений с колхозами и др. В то же время не уделено внимания вопросам, посвященным изучению условий труда и быта механизаторов МТС, которые фрагментарно освещены в трудах исследователей, на примере областей Центрального Черноземья, Поволжья и др. [3; 24; 25]. Исходя из этого, исследование производственного быта работников МТС Восточной Сибири представляется **актуальным**, так как данная тема не получила еще достаточного изучения и анализа.

Целью настоящей статьи является изучение условий труда и быта механизаторов МТС Восточной Сибири в 1946-1958 гг. **Научная новизна** заключается в том, что на основе материалов архивов и периодической печати, отчасти впервые вводимых в научный оборот, рассмотрены материально-бытовые условия механизаторов Восточной Сибири в послевоенный период.

Последствия войны тяжело отразились на работе МТС Восточной Сибири. Значительно ухудшилось состояние ремонтных мастерских, не хватало полевых станков, жилья для работников МТС, имелись перебои в оплате труда и продовольственном снабжении.